

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (б-ков)
Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

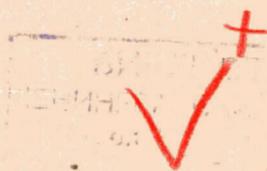
05, П. xiv

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исторический журнал Истпарта

№ 14 (~2)

1923 г.

3412

Дан Плеханова

№ 92-118/12

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ I.—СТАТЬИ и ВОСПОМИНАНИЯ.

	<i>Стр.</i>
В. Невский. К двадцатипятилетию партии	3
М. И. Бруснев. Возникновение первых с.-д. организаций	16
От редакции. Примечание к воспоминаниям Бруснева	32
С. И. Мицкевич. На грани двух эпох	34
А. И. Елизарова. Страничка воспоминаний. (Первое выступление Владимира Ильича в Москве)	55 ✓
С. И. Мицкевич. О работе В. И. Ульянова-Ленина, „Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов“ (1894 г.)	61
Я. А. Андреев. 1897—1898 г.г. в Колпине	77
Примечание от редакции к воспоминаниям Я. А. Андреева	85
А. Станчинский. С.-д. подполье в Саратове и журнал „Саратовский Рабочий“ в 1899 г.	87
А. Енукидзе. История организации и работы нелегальных типографий Р. С.-Д. Р. П. на Кавказе за время от 1900 по 1906 годы	108
П. Н. Лепешинский. Попутчики пролетариата в период старой „Искры“	167
А. Станчинский. К 20-летию юбилею демонстрации в Ростове в/Д. (2/15 марта 1903 г.)	196
С. Лившиц. Казанская с.-д. организация в 1905 г.	216
А. Петренко. Военно-революционная организация. Р. С.-Д. Р. П. в Варшаве в 1905 г.	298
Г. Крамаров. Декабрьское восстание в Ростове-на-Дону в 1905 г.	310
В. Н. Залеский. В годы реакции	326
М. Савельев. „Просвещение“ (марксистский журнал)	386
А. Рябинин. К истории марксистского журнала „Просвещение“ (последний июльский номер 1914 г.)	399
А. Усагин. (А. Гин). Большевицкая печать в Москве в эпоху „Звезды“ и „Правды“	401

ОТДЕЛ II.—МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ.

1912—13 г.г. 1) Доклад о современном положении Р. С.-Д. Р. П.	435
2) Письмо из Кракова к т. Подвойскому. — Сообщил Вл. Макасов	441
Жандармы о „Правде“. („Записка“ охранки от 30 июня 1914 г.)	454
Рабочее движение в Москве в 1914—1917 г.г. (неизданные арх. материалы с вступит. статьей К. Воиновой)	469

ОТДЕЛ III.—БИБЛИОГРАФИЯ.

	<i>Стр.</i>
В. Невский. В. И. Семевский. „Буташевич-Петрашевский и Петрашевцы“	552
Никодимов. „Крестьянское движение 1902 г.“	554
Антокольский. „Морозовская стачка 1885 г.“	558
А. Елизарова. „Былое“, № 20, 1922 г.	560
И. Волковичер. „Архив русск. революции“. Изд. И. В. Гессеном. Берлин. Томы I—V	563
И. Волковичер. „Гусевская организация“ Р. С.-Д. Р. II.—Р. К. II. (1898— 1923 г.г.) Составил Ив. Осьмов	565
А. Щуцневер. „К истории Ярослав. белогвардейского мятежа“	566
М. Мальт. „Красная Сибирячка“, № 1—3	568
Антон Яременко. Сборник. „Труд. и Меч“. (Киев)	570
Е. Штейнман. „Партийный спутник“. Царицын. Губкома Р.К.И. № 7—8.	572
Е. Ш. „Рабочий Путь“, орган. Пенз. Губкома Р.К.И. № 1—2 за 1923 г.	573
К. Остроухова. П. Вернер. „Евгений Левинэ и Баварская Сов. республика“	574
О. Л. Мануйлова. „Печали и радости моей жизни“	577

ОТДЕЛ IV.—МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ и СООБЩЕНИЯ.

А. М. Стопани. На заре социал.-демократии в Казани	579
А. К. Петров. Первые с.-д. рабочие кружки в Казани	585
В. М. Дерпт. Группа марксистов 1894—96 г.г. и В. Шанцер	597
С. Черномордин. (П. Ларионов). Выборы делегатов на 2-й съезд Р.С.-Д.Р.И. от Моск. организации	601
Н. Семашко, Партийная школа под Парижем (1911 г.)	605
Партийные ячейки подполья. Сообщил И. Волковичер	607

Вокруг органов Истпартовской работы.

Московское бюро	608
Киргизское бюро	611
Витебское бюро	612
Тверское бюро	613
Орловское бюро	615

Из писем в редакцию.

Письмо т. Б. Эйдельмана „Несколько замечаний по поводу воспоминаний А. В. Луначарского“ „Великий переворот“	615
Две поправки	617

XX 101
21.
M

Отдел I.—Статьи и воспоминания.

К двадцатипятилетию партии
(1898 — 1923).

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединив к себе массу крестьянства, чтобы разбить силой сопротивление самодержавию и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединив к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломать силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и великой буржуазии».

Левин. «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

История возникновения, развития и борьбы нашей партии лучше, чем история какой бы то ни было другой партии, отражает и освещает историю и развитие борьбы двух начал в русской революции — революционного, ортодоксально-марксистского, и оппортунистического, мелко-буржуазного; двух миров — нового, претерпевшего, и осужденного на гибель, буржуазного.

В самом деле, формально вода свое начало с первого марта 1898 года, когда была сделана первая попытка объединить разрозненные силы отдельных социал-демократических кружков в самостоятельную социалистическую партию пролетариата, российской социал-демократии левое, ортодоксально-марксистское, революционное крыло которой сформировалось окончательно в период октябрьской революции в Коммунистическую партию. — российской социал-демократии родилась в первой половине восьмидесятых

годов прошлого столетия. Это и был первый период истории нашей партии, при чем продолжительность его можно определить приблизительно десятилетием от 1884 по 1894 год.

Раскол «Земли и Воли» в конце семидесятых годов, возникновение «Черного Передела», гибель «Народной Воли» и возникновение «Группы Освобождения Трудя» — вот те внешние факты, которые встречаем мы, когда обращаемся к истории прошлого русской социал-демократии. Необыкновенно быстрое развитие капитализма, разрушение старых основ хозяйства, связь русской экономической жизни с западно-европейской, начало русского рабочего движения не только в таких крупных центрах, как Петербург, но и в провинции, — вот та почва, на которой выросло новое течение русской революционной мысли и практики.

Первое десятилетие русской социал-демократии поэтому было по преимуществу периодом выработки и развития программы. Основателем русской социал-демократии, Г. В. Плеханову, и его ученикам приходилось не только излагать основы научного социализма, но и вести борьбу с идеологами мелкой буржуазии, с представителями народничества во всех его видах и формах. Первые работы Плеханова, а затем Ленина, как известно, и посвящены этой борьбе, при чем именно в этой борьбе и получилась возможность, с одной стороны, дать беспощадную критику мелко-буржуазной идеологии народничества, а с другой стороны, — развить и обосновать перед русскими революционерами начала учения Маркса и Энгельса.

В таких сочинениях Плеханова, как «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», а затем «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю» и «Обоснования народничества», была дана не только беспощадная критика утопичности и реакционности, до которой докатилось некогда революционное народничество — в особенности в лице своих легальных представителей, но и было показано на изучении русской действительности, и таким плодотворным результатам приводит умелое применение марксистского учения при анализе фактов текущей жизни, экономической и политической истории России. Мало того, в это же время были выработаны и первоначальные контуры социал-демократической программы, в основу которой было положено учение Маркса, и которая ставила, как ближайшую задачу, достижение политической свободы, обязательного условия для успешной борьбы за социализм. Рабочий класс, руководимый своим авангардом, социал-демократической партией, — та сила, которая этой программой объявлялась главной и единственной силой, способной до конца

борются не только за социализм, но и с самодержавием. Это и было выражено Плехановым в его известной фразе о том, что если в России будет победоносная революция, то это будет революция рабочая, или ее не будет никогда. Изменившиеся экономические условия, рост капитализма, а вместе с ним и рост рабочего стихийного движения создавали в России условия для возникновения революционных групп и кружков, стоявших уже на другой платформе, чем народники. Как раз к середине 80-х годов относится образование Благоевской группы, а затем к началу 90-х годов Брусневской, пытавшихся организовать партию пролетариата. Но на программах этих групп в Петербурге, как и на программах тех кружков, что возникали повсюду в крупнейших центрах, в провинции, отразились все условия переходного времени от народничества к марксизму. Интеллигенция, видевшая ошибку и утопичность народничества, сплошь и рядом сама не могла нацело расстаться с некоторыми взглядами народников и потому в своих программах признавала, например, террор. Но по мере того, как в организации этих первоначальных кружков все более и более начинают принимать участие выделяющиеся сознательные рабочие, усвоившие учение Маркса и находившиеся под влиянием литературы, исходящей от «Группы Освобождения Трудя», по мере того, как само рабочее движение принимает все больший и больший размах, по мере того, как в революционное движение подтянется молодежь, не имевшая традиций и предрассудков старого народничества, философия этих первоначальных кружков становится все более и более социал-демократической. Начиная, примерно, с 1894 года, до 1898 года тянется второй период российской социал-демократии. Чтобы понять характер этого периода и ту борьбу, которую пришлось вести российской социал-демократии с своими настоящими противниками, необходимо принять во внимание то широкое массовое рабочее движение, которое в связи с развитием капитализма в девятые годы возникает в России: стачки тысяч в Петербурге в 1896—97 годах были только наиболее полным и наиболее ярким выражением той борьбы рабочих, что вспыхивала там и здесь по всей стране. По сравнению со стачками предшествующего периода и особенно рабочим движением 70-х годов—стачки 90-х годов представляют уже гораздо большие сознательности и планомерности. Это были уже настоящие зачатки такой массовой борьбы, в которой рабочие своим поведением—организационностью, предъявлением требований, настойчивостью—показывали, что они начинают проявлять массовое сознание неприми-

ривой противоположности своих собственных интересов и интересов капиталистов. Но все же в этом движении было очень много стихийности, первоначальных элементов борьбы чисто традиционной и перед русской социал-демократией становится задача: процессом сознательности и эту борьбу сделать ее борьбой пролетариата под руководством его авангарда — самостоятельной рабочей партии. Задача эта усложнилась еще и тем, что как раз в это время в России поднимается интереснейшее явление — появление особого течения, так называемого легального марксизма. В легальной литературе до этого времени почти монополично владычествовали идеологи мелкой буржуазии, народники во главе с Н. К. Михайловским. Когда-то революционная идеология народничества в лице его лучших представителей (напр., Чернышевского) теперь под пером и в устах Михайловского и его единомышленников В. В. Николая — да, Кривенко, Юсизова и прочих столбов превратилась в отстающую и чаще всего реакционную идеологию и защиту мелкой буржуазии, полончатой и трусливой, стоящей в недоумении перед всеокружающей силой капитала. В отсталых формах мелкого производства, в разваливающейся и являющейся тормозом хозяйственного развития общине они видели элементы лучшего будущего и даже социализма, и под именем «народного производства» пропагандировали паллиативы и влечесные меры приспособления к старому укладу. В туманных фразах об этом «народном производстве», в реченках артельного и обанного способа хозяйства они пытались скрыть факты победного шествия капитала, и, не понимая всей революционной роли капитализма, они старались повернуть ход истории назад и, что самое главное, своею пропагандой поддерживать отсталые формы «народного производства». Они приближались к самым честным либералам, которые мыслили себе революцию в виде дарования конституции с высоты трона. Букинные до этого же договаривались и некоторые загоны народничества (напр., Язубович, Кошницев и др.). Боязнь больше революции, чем реакции, как выразился однажды о себе Михайловский, попытка объединить всякого рода интеллигенцию в одну оппозиционную партию, забвение той истины, что интеллигенция служит определенным классам и отстаивает интересы этих классов, — все это отличало идеологию реформирующегося и эволюционирующего направио народничества. Революционное же народничество, поскольку оно еще было за границей и в России, повторило задки и в своих спорах с социал-демократами стремилось доказать, во-первых, что иначе, как на почве договора,

русским социал-демократам рабочей партии не создать, и, во вторых, если социал-демократы желают объединить в своей партии не только рабочих, но и все, что есть революционного в интеллигенции, то тогда никакого значения не имеют ни споры их с народниками об обшине, нафтализме, историческом материализме, ни программа, ибо фактически социал-демократы признают правильность народнической программы. Правда, в это же время пошлается партия «Народного Права», партия демократов, именующих себя социально-революционной партией. Но и эти, гораздо более последовательные, чем народники, демократы, — провозглашением в своей программе, что в понятие народного права входит понятие и народного производства, — обнаруживают ту путанность и неясность, какие царят и в их рядах.

Предстояло, стало быть, критикой народнических взглядов окончательно доказать несостоятельность и реакционность этой мелко-буржуазной идеологии, ведя эту критику народничества в легальной прессе совместно с представителями буржуазной науки, видевшей всю утопичность народнической идеологии, отгородиться, отмежеваться от представителей этого легального марксизма. Эту задачу и выполнила российская социал-демократия второго периода 1894—1898 годов. Идеиная борьба Плеханова, Ленина и их соратников с народничеством и вместе с тем размежевание от представителей легального марксизма, уже тогда старавшегося затуманить, замазать непримиримую противоположность классовых интересов современного общества и, использовавши борьбу социал-демократии с народничеством в целях расчистки пути для крупно-капиталистической буржуазии, приспособить социал-демократию к обслуживанию интересов буржуазии, — эта борьба и характеризует период 1884—1894 годов.

Ленин в статье, специально посвященной работе Струве, подчеркивал и указывал как сильную сторону критики народничества, сделанной марксистобразным буржуазным профессором, так и те стороны его мировоззрения, от которых нужно во что бы то ни стало отмежеваться. Наиболее яркое и красочное теоретическое выражение задачи социал-демократии этого периода нашли себе в замечательной брошюре Ленина «Задачи русских социал-демократов», изданной в 1897 году за границей. В этом труде современные задачи русской социал-демократии определены так: «Создание пролетарской революционной организации среди фабрично-заводских городских рабочих является потому первой и насущной задачей социал-демократии, задачей, отличающейся от которой и

настоящее время было бы в высшей степени неразумно». Но, создавая такую организацию, русская социал-демократия не должна отказываться от поддержки тех революционных групп, «которые приходят на практике к постановке социалистической работы на почву классовой борьбы пролетариата», с тем, однако, условием, чтобы практические союзы с другими фракциями революционеров не вели к компромиссам и уступкам в теории, программе и тактике. Эта классовая обособленность и самостоятельность пролетариата и его партии, несколько не отрицая временной поддержки оппозиционных групп, только поможет в нужный момент направить свою силу и против этих оппозиционных групп, как скоро их интересы заставят их идти против демократической революции до конца, ибо «только пролетариат способен до конца довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих». Отсюда вытекал один неизбежный вывод, что сближение пролетариата и его партии с буржуазией и ее партией в борьбе с самодержавием только ослабило бы пролетариат и затормозило бы его сознание. «Все истинные и последовательные демократы в России должны стать социал-демократами», говорил тогда т. Ленин, и мы теперь, спустя 25 лет после того, как слова эти были написаны, столько раз убедились, что только левое крыло социал-демократии, несколько не продавая своего социализма за чечевичную похлебку демократизма, на деле было самым демократичным, самым решительным борцом за полную демократизацию России, за подлинное, решительнейшее доведение демократической революции до конца. Уже тогда, подводя итоги практической работе социал-демократии, именно, работе «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса» в период 1895—96 годов, т. Ленин так отмечает задачи социал-демократии:

«Возможно ли отрицать, что подобная организация, объединяющая по крайней мере крупнейшие центры рабочего движения в России (округа Спб., Моск.-Владимирской, Южн. и наименьшие города, как Одесса, Киев, Саратов и т. д.), располагающая революционным органом и пользующаяся таким же авторитетом в среде русских рабочих, как пользуется «Союз борьбы» среди с.-петербургских рабочих,— что подобная организация была бы крупнейшим политическим фактором в современной России— фактором, с которым правительство не могло бы не считаться во всей своей внутренней и внешней политике? Руководя классовую борьбу пролетариата, развивая организацию и дисциплину среди

рабочих, помогая им бороться за свои экономические пункты и отвоевывать у капитала одну позицию за другой, политически воспитывая рабочих и систематически неустанно преследуя абсолютизм, травя каждого царского баннибузука, дающего почувствовать пролетариату тяжелую лапу полицейского правительства,—подобная организация была бы в одно и то же время и приспособленной к нашим условиям организацией рабочей партии и могучей революционной партией, направленной против абсолютизма».

В этих словах наиболее ярко и точно сформулированы настоящие задачи социал-демократического движения во второй его период, как известно и завершившиеся первым съездом в г. Минске в 1898 году.

Разгром почти всех крупнейших социал-демократических организаций весной 1898 года только лишь раз подтвердил настоятельную необходимость объединения и преодоления во что бы то ни стало кружковщины, царившей в социал-демократическом движении. Борьба с кружковщиной и с оппортунистическими течениями в рядах самой социал-демократии и составляет содержание третьего периода в истории российской социал-демократии, примерно, от 1898 года до второго съезда, т. е. до 1903 года, когда уже довольно ясно наметились те различия, которые потом сильно углубились и отделились, что окончательно разделило российскую социал-демократию на два крыла: мелко-буржуазное, соглашательское, и революционное, большевистское. Этот третий, «Испрошения», период нашей партии характеризуется: 1) в идейном отношении борьбой с мелко-буржуазным течением в самой социал-демократии, «экономизмом», питающимся мелко-буржуазными элементами нашей страны и находящим себе идейную поддержку в международном оппортунизме и соглашательстве бернштейновского ревизионизма и 2) в организационной и идейной работе по сплочению разрозненных социал-демократических групп в единую партию, что и завершается на втором съезде партии.

Оппортунистические течения в русской социал-демократии полнее и выразительнее всего выразились в знаменитом «Credo», одним из авторов которого была Куснова, сатирическая, как известно, данно и окончательно в обличия контр-революции. Суть этого «Credo» сводится к тому, чтобы затухивать классовый характер борьбы пролетариата и ограничить борьбу рабочего класса только узкой сферой экономических требований, а политическую борьбу

предоставить либерально-оппозиционным элементам русского общества. Рабочим—экономическая борьба, а марксистской интеллигенции—союз с либералами для борьбы политической. В то время, как революционное крыло социал-демократии всей своей предыдущей работой стремилось к тому, чтобы создать самостоятельную социалистическую партию пролетариата и начать планомерную борьбу с русским абсолютизмом, так называемые экономисты проповеждали только экономическую, традиционистскую борьбу рабочего класса, преклоняясь перед стихийным рабочим движением и предоставляя рабочий класс влиянию буржуазной идеологии. Наступил момент в русском рабочем движении, когда оно должно было пойти по одному из двух путей: либо, не выходя из тесных рамок чисто экономической борьбы с капиталистами, совершенно отказаться от политической борьбы и идти в этой борьбе за либеральной буржуазией, либо, борясь за политическую свободу рядом с другими революционными группами, создать самостоятельную политическую партию пролетариата. По первому из этих путей пытались повести рабочих экономисты, и в этом заключалась их тесная идейная связь с либеральной буржуазией и с западно-европейским ревизионизмом, пытавшимся подменить Маркса Кантом и превратить революционный марксизм в жалкий оппортунистический реформизм. Преклонение экономистов перед стихийностью рабочих масс не ограничивалось одной областью экономической борьбы, но переносилось ими и в сферу организационную, выражаясь в отсутствии размаха всей работы и узости и в воведении этой узости в теорию. Все это сочеталось со смешением широкой рабочей организации в организации революционеров.

Борьбу эту реформизму, ревизионизму и узкой кружковщине экономистов и объявила организация «Искры». Создание общерусской политической газеты, выработка и создание организации профессиональных революционеров и объединение социал-демократов в боевую политическую партию пролетариата—вот те задачи, которые поставила себе «Искра» и которые так блестяще разрешила она. «Я утверждаю,—писал т. Ленин в своей книге: «Что делать»,—1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранившей преемственность организации руководителей; 2) что чем шире масса, стихийно пополняемая в борьбу, составляющая базу движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации (ибо тем легче всяким демагогам увлечь неразвитые слои массы);

3) что такая организация должна состоять, главным образом, из людей профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) что в самодержавной стране—чем более мы сузим состав членов такой организации до участия в ней только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической оппозицией, тем труднее будет «вылупить» такую организацию, и 5)—тем шире будет состав лица из рабочего класса, и из остальных слоев общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем».

Не только эконоомисты, но и многие из тех, кто боролся вместе с Лениным против эконоомистов, впоследствии оказались на большевиков за эту организацию профессиональных революционеров, а между тем выражение Ленина: «дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию» так блестяще подтвердилось всей двадцатипятилетней борьбой нашей партии. Именно потому, что «Искра» своей борьбой против оппортунизма эконоомистов и кружковщины, своей беспощадной разоблачающей критикой мелко-буржуазности и ограниченности новых возникающих революционных и оппозиционных группировок,—либерализма и предательства Струве, программы и тактики соц.-революционеров, своей проповедью необходимости организации самостоятельной партии рабочего класса,—именно потому, что «Искра» подогнала начало сплоченно и собранно таких профессионалов-революционеров,—и содвинула та стальная дружина, тот основной руководящий отряд старых большевиков, старой гвардии, тех нелегальных деятелей,—агитаторов, пропагандистов, публицистов, «техников», транспортеров, секретарей,—словом, организаторов той нелегальной партии, которая, несмотря на раскол, вынесла все испытания подпольного, невыносимо тяжелого существования в самодержавной стране, веда пролетариат на штурм самодержавия в эпоху первой революции, не испугавшись реакции, отступила после поражения в борьбе и последней под натиском врага, собрав в самые темные годы реакции разбитые ряды пролетариата, сохранила и укрепила подпольную организацию, повела рабочих на новый штурм, в эпоху «Звезда» и «Правды», не растерялась во время войны и, обливши войну войной, повела пролетарскую революцию, чтобы «перевернуть Россию» и заново начать плавать. Стойкие, теоретически выдержанные марксисты, опытные конспираторы, знающие нужды и интересы рабочих масс, спланившие с этой массой и безраздельно сливавшие с ними свою судьбу, выносившие

суровой борьбой в невыносимо тяжелых условиях самодержавного режима, это они, профессионалы-революционеры, соорганизовали, сплели и повели за собой сначала сотни, а затем десятки и сотни тысяч революционных рабочих. Вся история нашей революции подтвердила правильность этой гениальной мысли, брошенной в социал-демократическую среду вождем большевиков Лениным. В том-то и заключалась организационная сила большевизма, что каждый из таких профессионалов-революционеров сам, будучи организатором и учителем рабочих масс, являлся огромной революционной и культурной силой, был организующим центром и в общем со своими товарищами превращал партию в непреодолимую революционную силу, бьющую самодержавие, как таран.

«...Разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции», писал Ленин в «Что делать?»: «сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы в праве рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить ише в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией». Наша партия доказала на деле, что она осуществила эту задачу и что при разрешении этой задачи ей помогли два важнейших фактора — верность теоретическим основам учения Маркса и организация профессионалов-революционеров, этого стального хребта нашей партии.

Дело объединения разрозненных сил в партию было осуществлено на втором съезде, но уже там же, на съезде, обозначились ошпы эти две тенденции русского рабочего движения: оппортунистическая, соглашательская и революционно-марксистская. Вопросы как будто бы из третьестепенных неважных организационных вопросов, разногласия эти росли и углублялись, и чем шире развертывалось революционное движение в России, тем все больше и больше вытеснилось, что не только организационные вопросы разделяют партию на две части, а и более глубокие принципиальные вопросы и взгляды. Снова перед левым крылом русской социал-демократии всталла задача борьбы с оппортунизмом и попытками повлечь рабочее движение в хвосте либеральной буржуазии. В этом, и только в этом, была суть разногласий между большевиками и меньшевиками, как они обозначались в следующий период истории нашей партии после второго съезда и в эпоху первой революции. Вопросы о вооруженном восстании, о временной рево-

людиной правительстве, об отношении социал-демократии к буржуазии и в Государственной Думе и множество других исторических вопросов, по которым шла борьба между большевиками и меньшевиками, все это, в конце концов, сводилось к одному основному вопросу, пойдет ли партия пролетариата на соглашение с либеральной буржуазией, пойдет у нее в хвосте, или она останется гегемоном в борьбе, самостоятельной социалистической партией рабочего класса, ведущей борьбу до конца. С кем идти, с либеральной буржуазией или с революционным крестьянством — вот как стоял вопрос в этот четвертый период истории нашей партии. Весь исход революции зависел от того, «слышит ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции». И в то время, как победа революции мыслилась большевиками как диктатура пролетариата и революционного крестьянства, меньшевики тянули рабочий класс в болото соглашений с буржуазией. Не только в вопросе о подготовке к вооруженному восстанию, но затем и в вопросе о Думе меньшевики обнаружили свою оппортунистическую природу и несомненную связь с оппортунистами соглашателями предшествующего периода.

В ответ на большевистский бойкот Бульгаиной Думы, меньшевики характеризовали свое поведение колебаниями и нерешительностью; в ответ на бойкот первой Думы большевиками, меньшевики звали рабочих выбирать, но не в Думу; в ответ на беспощадное разоблачение большевиками конституционных иллюзий и контр-революционности надетской буржуазии, меньшевики в первой Думе поддерживали и одобряли надетскую политику; в ответ на блок большевиков с левыми при выборах во вторую Думу, меньшевики пошли на соглашение с буржуазией, блокируясь с надетами. Словом, в ответ на революционную тактику большевиков — меньшевики давали такую тактическую линию, которая тянула рабочий класс к буржуазии, затемнила его сознание, превращала его в придаток буржуазии и, таким образом, осуждала на поражение. Эта тактика меньшевиков, правого крыла русской социал-демократии, и по идейному своему характеру и организационно была связана с оппортунистической тактикой эволюционистов: разве в знаменитой идее Аксельрода о рабочем съезде не чувствуется этого предклонения перед стихийным рабочим движением, которое было так характерно и для эволюционистов? Разве в соглашениях меньшевиков с надетами при выборах в Думу не вы-

называется весь Opportунизм и несамостоятельность мелко-буржуазной, соглашательской идеологии, так характерной для экономистов? Разве, наконец, в меньшевистской боязни «преждевременного» вооруженного восстания не проглядывает отказ «экономистов» от политической борьбы? Не даром же некоторые из бывших идейных руководителей экономизма вскоре после второго съезда переночевали в лагерь меньшевиков, не даром эти прежние вожди экономизма обвиняли большевиков в изобинстве и в растворении чисто пролетарского движения в крестьянском.

Эти соглашательские оппортунистические тенденции правого крыла русской социал-демократии в следующий период истории нашей партии, в эпоху реакции после третьемартовского столянского переворота, в период после Лондонского съезда, все больше и больше принимали уже чисто реакционный оттенок, который полнее и лучше всего выразился в том течении, что известно под именем «ликвидаторства», этой позлейшей какутублизации меньшевизма перед реакцией и буржуазией.

Эпоха «Звезды» и «Правды», в особенности с началом новой волны широкого рабочего движения, только резко оттенила эту реакционную сущность правых течений русской социал-демократии.

С величайшим трудом, в невыносимо тяжелых условиях жесточайшей реакции из самой старой гвардии профессиональных революционеров, что была создана «Искрой» и что уцелела под ударами самодержавия и реставрации, да новая молодая гвардия, воспитанная этими профессионалами во время бури и нагнетания 1905 года, полная героизма и верная заветам революционного марксизма, эта старая гвардия вновь строила ряды, ободряла уставших и звала протетарнат на новую борьбу под руководством и в рядах революционной социал-демократии, подчеркивала в своей агитации и пропаганде, что укрепление революционной легальной самостоятельной социал-демократической партии есть единственное и главнейшее условие победы пролетариата в надвигающейся революции.

Мы знаем, с каким энтузиазмом ответил рабочий класс на призывы большевиков, и каким могучим сплочением вокруг обиты же общерусской революционной газеты «Правды» увенчала он на поверхности легальной жизни нашу подпольную революционную организацию. Мы знаем, какие славные битвы дал пролетариат надыхающему самодержавию в 1912, 13 и особенно в 1914 году и вильские дни. Что же предлагали делать правые социал-демократы, меньшевики, ликвидаторы? Они теперь, продолжая традиции

экономистов 90-х годов и прихвостней кадетов 900-х годов, ликвидировали нелегальную партию, призывали к органической работе в Думе, провозглашали легальные формы борьбы в условиях самодержавного государства со столыпинским «конституционным» решением единственно возможными формами борьбы и отрицали вооруженную борьбу *ad calendas graecas*, вернее, совсем отрицали ее, окончательно стирая разницу между собой и либеральной буржуазией.

То, что провозглашали своим идеалом авторы «Сред» Нускова, Проконевич и их друзья, то теперь воплотили в жизнь «скиронисты» русской революции, правые социал-демократы во главе с Даном.

И когда наступил следующий период истории нашей партии, эпоха империалистической войны, оппортунизм меньшевиков выкристаллизовался уже в прямое предательство делу пролетариата и окончательное падение. Неслыханным позором покрыли себя представители той партии, которая доселе носит название социалистической и которая в февральскую революцию вместе с Черновым и Милюновым душила революцию.

Так, на протяжении двадцатипятилетней борьбы вышедшие из одного источника две струи рабочего движения и русской социал-демократии расхлестались все дальше и дальше: одна из них, обходя препятствия и преграды, мутнела от вливающихся в нее чуждых ей струй и под конец, к моменту решающей борьбы, которую когда-либо видел мир, влилась в зловонную буржуазную реку реакции и контр-революции; а другая, светлая и чистая, то скрывалась в складках земли, то пробивалась наружу, становилась с каждым днем все шире, все глубже, все грандиознее, пока, наконец, не превратилась в могучий поток, который несет до основания твердьми старого мира.

Вот как характеризовал этот революционный поток русской социал-демократии почти двадцать лет тому назад тов. Ленин: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились по свободно принятому решению именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступать в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не примирения. И вот некоторые из нас начинают кричать: пойдете в это болото! — а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отстающие люди! и как вам

не совестно отрицать за нами свободу звать нас на лучшую дорогу!— О, да, господа, мы свободны не только звать, но и идти, куда вам угодно, хотя бы в болото, мы находим даже, что наше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие и даже к переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова «свобода», потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто подоразивает и болоту!».

Это случилось двадцать почти лет тому назад, когда нас, идущих к диктатуре пролетариата и крестьянства, была, действительно, нужна; вам пришлось пройти по обрывистому и трудному пути, многих мы потеряли, многие пали доблестной смертью героев, но теперь уже прошли самые трудные части пути и теперь нас не нужна, а могучая и сизая армия.

Через диктатуру пролетариата и крестьянства мы приближимся к заветной цели нашего пути, к коммунизму, и вот таких сил на свете, которые бы могли свлечь нас в болото, где в бессильном отчаянии копаются те, кто звал нас на более несную и легкую дорогу компромиссов и предательства. Мы не свернем с своего трудного, но зато славного революционного пути. За это ручаются двадцать пять лет нашей борьбы.

В. Ивский.